

УДК 94 (470.64)

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-45-48

ГЕДГАФОВА Карина Анатольевна,
соискатель степени кандидата исторических наук

GEDGAFOVA Karina Anatolyevna,
Applicant for a Candidate Degree in History

**ФЕНОМЕН КЛАНОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В
ПЕРИОД АКТИВНОЙ ФАЗЫ СОВЕТСКОЙ
МОДЕРНИЗАЦИИ В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ**

**THE CLAN RELATIONS PHENOMENON IN
THE PERIOD OF SOVIET MODERNIZATION
ACTIVE PHASE IN KABARDINO-BALKARIA**

В данной статье на основе конкретных фактов раскрывается история развития неформальных социальных (клановых) связей в кабардинском и балкарском обществах в 1920–1930-е гг. как следствие несправедливой социальной политики советской власти по отношению к так называемым «классово-чуждым».

Опыт кланообразования, который был приобретен кабардинцами и балкарцами в этот период советской модернизации, когда их социальная структура подверглась значительной трансформации, негативно сказывается на общественно-экономическом развитии региона и в современный период.

Советская модернизация 1920–1930-х гг. подчинялась в первую очередь интересам власти, поэтому способствовала созданию в кабардинском и балкарском обществах, где традиционно сильны родственные и земляческие отношения, предпосылок для развития неформальных социальных связей. А избирательная социальная (классовая) политика советской власти этого периода вынудила кабардинцев и балкарцев использовать неформальные социальные связи в качестве главных механизмов адаптации к новому общественному устройству. В статье выявляются факторы, способствовавшие развитию различных форм клановых отношений в кабардинском и балкарском обществах.

This article reveals the history of informal social relations (clan) development in Kabardian and Balkarian communities in the period from 1920 to 1930 based on the specific facts, as a result of unjust social policy of the Soviet authorities towards the so-called "class-alien".

Clan-forming experience gained by Kabardians and Balkars in the period of Soviet modernization, when their social structure was undergone a significant transformation, has a negative impact on the socio-economic development of the region till nowadays.

Soviet modernization of the 1920-1930 subjected primarily to the interests of the authorities, helping formation of prerequisites for the informal social relations development in Kabardian and Balkar communities where family and kin relationships were traditionally strong. The selective social (class) policy of the Soviet government in this period forced the Kabardians and the Balkars to use informal social relations as the main mechanisms of adaptation to a new social order.

The article identifies the factors that contributed to the development of various forms of clan relations in the Kabardian and Balkar communities.

Ключевые слова: клан, родственные отношения, земляческие отношения, этнические отношения, советская модернизация.

Key words: clan, kinship relations, compatriotic relations, ethnic relations, the Soviet modernization.

Особенности процесса трансформации социальной структуры народов Северного Кавказа, в частности кабардинцев и балкарцев, в период активной фазы советской модернизации [1] способствовали развитию неформальных социальных связей, то есть клановых отношений. Практика неформальных социальных связей была перенесена и расширена в постсоветский период, что до сих пор негативно влияет на социально-экономическое и общественно-политическое развитие Северного Кавказа.

Создание в 2010 г. Северо-Кавказского федерального округа было призвано разрядить ситуацию в регионе. Поэтому крайне важно и актуально понять истоки клановых отношений на Северном Кавказе для минимизации их издержек и последствий при разработке региональной политики.

В классическом понимании «клан» подразумевает род или родоплеменную группу, связанную хозяйственными и общественными узами, схожими религиозными верованиями, экономическими обязательствами друг перед другом, и живущую в одной местности (социальная, территориальная и этническая идентификация).

Следует отметить, что традиционные кабардинское и балкарское общества, их иерархическая структура, господство адатов, традиции кровной мести и выбора старейшин свидетельствуют о наличии в них признаков кланового общества, выделенные Э. Гидденс [2].

В условиях перехода от традиционного к индустриальному обществу антрополого-этнографический подход в определении «клана» подвергся изменению. Клановые отношения стали рассматриваться как система с рядом особенностей и устойчивой социальной формой взаимопомощи людей, позволяющей им выжить в неблагоприятных социальных условиях. В таком случае к клану могут примыкать и лица, не состоящие в прямом родстве с лидером, и на основе традиции общего происхождения, землячества, а также взаимных интересов и обязательств [3].

Революция и гражданская война в Кабарде и Балкарии (1917–1920-е гг.) актуализировали наиболее сложные социально-политические проблемы: сохранение и развитие национальной идентичности, конфессиональной политики, взаимоотношения с властью.

В 1921 – начале 1930-х гг., в период активной фазы советской модернизации, социальная структура кабардинского и балкарского общества существенно трансформировалась. А клано-

вые отношения, как наследие предыдущей эпохи, не только были не изжиты, но и обрели новые формы.

Большевики, приступив к реализации жесткой социальной (классовой) политики в регионе с 1922 г. [4], сразу же обозначили своих противников, «антисоветских» – «чуждых» – «неблагонадежных элементов», лишив их всех шансов на «реабилитацию». Одно только название «князь» (пши), «дворянин» (уорк, таубий), «мулла» способствовало к их автоматическому причислению к «антинародным элементам». Власть умышленно превращала их в классовых изгоев, демонстрируя остальной части общества ее социальное преимущество перед бывшими «поработителями».

Доступ к образованию детям «чуждых» был ограничен. Чтобы влиться в «советское общество», они использовали все возможные связи (родственные, соседские, земляческие, этнические и т.п.). Типичный пример имел место в Урванской сельскохозяйственной школе, в которую удалось попасть «сынкам» бывшего охранника и торговца благодаря содействию родственника – председателя сельсовета, который выдал им справки о социальном положении, и они были приняты в школу как дети «бедняков» [5].

Выходцы из бывших привилегированных сословий, используя различные связи, меняли фамилии, чтобы скрыть свое «неблагонадежное» социальное происхождение или положение. Так власть, ставя их в безвыходное положение, толкала на использование внеправовых, неформальных методов адаптации к условиям нового времени.

Молодая национальная советская бюрократия, пытаясь использовать традиционные клановые отношения для достижения своих политических интересов, организует сговоры на основе родства членов партии. Так, в 1927 г. облисполком, информируя обком партии о результатах выборов в сельсовет, рапортовал, что задание «...выполнили на 100% то, что провели старого большевика-партизана, выдвинули заместителя, который нам нужен, и, несмотря на то, что у него меньше голосов, он прошел» [6].

Подобным фальсификациям недовольная часть населения противопоставляла родственные и земляческие отношения (понятия «жители одного аула», «воду пили из одной реки», «выросли на одной земле») и побратимство как инструмент адаптации к меняющимся условиям.

В ходе реализации политики «по выявлению и ограничению кулачества» власть вынуждена была признать, что «во всех советских учреждениях существует кулацкое родство, и беднота боится вскрывать недочеты и кулацкие проделки» [7]. Члены партий, советов, пользуясь своим служебным положением, давали односельчанам документы, скрывающие их реальное социальное положение. Даже председатели сельсоветов, которым доверяли большевики, выдавали справки своим так называемым «классовым врагам» («кулакам») о том, что «они не являются кулаками и не лишены избирательных прав» [8].

Противоречия классовых отношений в Кабарде и Балкарии, обострившиеся в период насильственной коллективизации, кампании гонения мусульманского духовенства и закрытия мечетей дали противоположный эффект, объединив антагонистические классы и группы населения. В партийном лексиконе появляется термин «кулацко-мулльские элементы», который подразумевал клановое объединение членов, преследующих свои классовые и гражданские интересы.

Поэтому партийные органы обеспокоены распространением антисоветской «кулацко-мулльской идеологии», «сращиванием чуждых элементов с кулачеством», также тем, что «кулацко-мулльские элементы развернули работу против политики партии и советской власти» [9].

Особой «головной болью» обкома партии являлось проникновение «классовых врагов» в советский аппарат. Показательными стали партийные чистки, выявлявшие, что «враг не дремлет». Так, в докладах членов партии сообщалось, что председатель Псынадахского сельсовета «является сыном дворянина – племянником кулака-лишенца и бывшего белогвардейца. А его отец – пособник белогвардейских отрядов, во главе с местными князьями... он поддерживается родственниками из районного руководства» [10]. Отмечалось, что «в с. Хабаз кулачество выступало организовано и старалось провести своих людей. Список нового состава был составлен кулачеством, и брат муллы предъявил его президиуму» [11]. В другом документе читаем: «Баксанский ОКРИК (ОКРИК - *окружной исполнительный комитет* - К.Г.) принял секретарем сельсовета в с. Кызбурун сына кулака...он всегда будет поддерживать кулаков, наших классовых врагов» [12].

Благодаря родственным, земляческим связям некоторые представители бывшей знати сумели сохранить принадлежавшие им до революции имущество, земли вплоть до 1930-х гг.

В 1929 г. в секретном донесении в Крайисполком указывалось: «Бывшие князья с. Кахун [...] до сих пор пользовались землей наравне с беднотой», а «в с. В. Балкария конфискованные

у бывших князей [...] дома находятся в бесхозном состоянии, а бывшие их владельцы продолжают жить, не платя арендной платы» [13]. Еще более разительным является то, что в начале 1930-х гг. «князя [...] в с. В. Куркужин владели садом площадью в 4,5 га» [14].

Объяснить это можно тем, что «многие окружные исполкомы не создали комиссий по лишению бывших помещиков прав на землепользование и проживание в принадлежавших им до революции поместьях, ссылаясь на то, что в округе помещики не проживают» [15].

Даже партийная верхушка из числа кабардинцев и балкарцев порой подозревалась в сотрудничестве с бывшими привилегированными сословиями, обвинялась в бюрократизме и злоупотреблениях в использовании родственных отношений [16].

Жесткая, бескомпромиссная политика в отношении «антисоветских» социальных слоев кабардинского и балкарского обществ толкала «чуждых» на создание прототипов современных кланов с единственной целью, вжиться в «новое общество» наперекор всему. Игнорирование властью роли кровнородственных отношений и авторитет рода в северокавказском социуме оказались чреваты негативными социальными последствиями.

Методы реализации советской модернизации способствовали формированию в обществе неформальных социальных связей, то есть кланов в неклассическом их понимании, как ответ на вызов, грозящий разрушить традиционные формы социальных связей, отношения социальных групп и населения в целом, как способ их выживания, самосохранения и форма адаптации в переходный период, в ситуации нестабильности.

Таким образом, сохранение и развитие клановых отношений в советской Кабардино-Балкарии было обусловлено рядом факторов. К ним относятся: отсутствие равноправия всех граждан в стране вне зависимости от социального происхождения, вероисповедания и т.д.; отсутствие единого гражданского общества (действовала система «свои-чужие»); отсутствие равенства социального и правового статуса одноименных социальных слоев, способствующее маргинализации общества; политика двойных стандартов («советский народ» и «антисоветские элементы»); бюрократизация (монополия власти).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Гедгафова К.А., Мамси́ров Х.Б. Особенности трансформации социальной структуры кабардино-балкарского общества в 1920–1930-е гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – № 5. Часть 1. – С.116–120.
2. Гидденс Э. Социология. – М., 1999. – С. 370.
3. См.: Ламажаа Ч.К. «Клан»: понятие в социальных науках // Гуманитарные науки: теория и методология. – 2008. – № 2. – С.121–130.
4. Управление центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (далее УЦГА АС КБР). Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 14. Л. 24.
5. Там же. Д. 62. Л. 23.
6. Там же. Ф. 237. Оп.1 Д. 12. Л. 320.
7. Там же. Ф. Р-2. Оп.1. Д. 628. Л.17.
8. Там же. Ф. Р-183. Оп. 4. Д. 90. Л. 245.
9. Управление центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦДНИ АС КБР). Ф. 1. Оп. 1. Д. 108. Л. 29, 161.
10. УЦГА АС КБР. Ф. Р-183. Оп. 4. Д. 90. Л. 242.
11. Там же. Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 12. Л. 308.
12. Там же. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 628. Л. 15.
13. Там же. Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 16. Л. 52, 92.
14. Там же. Ф. 237. Оп. 1. Д. 30. Л. 38.
15. Там же. Л. 31.
16. Там же. Ф. Р-288. Оп.1. Д. 12. Л. 334; Там же. Ф. Р. 5. Оп. 2. Д. 8. Л. 4–5.

REFERENCES

1. Gedgafova K.A., Mamsirov H.B. Particulars of the making of the societal framework in the kabardianand-balkar communities within the period of the 1920-ies to 1930-ies [Osobennosti transformatsii sotsial'noy struktury kabardino-balkarskogo obshchestva v 1920–1930-e gg] Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and Social Educational Ideas. 2015. No. 5. Part 1. Pp. 116–120 [in Russ].
2. Giddens A. Sociology [Sotsiologiya]. Moscow, 1999. Pp. 370 [in Russ].
3. See: Lamazhaa Ch.K. "Clan": the concept in the social Sciences [«Klan»: ponyatie v sotsial'nykh naukakh]. Gumanitarnye nauki: teoriya i metodologiya = Humanities: theory and methodology. 2008. No. 2. Pp. 121–130 [in Russ].
4. Central State Archive Office of Kabardino-Balkar Archive Service [Upravlenie tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Arkhivnoy sluzhby Kabardino-Balkarskoy Respubliki (dalee UTsGA AS KBR)]. F. R-2. Op. 1. D. 14. L. 24.
5. Ibid [Tam zhe]. D. 62. L. 23.
6. Ibid [Tam zhe]. F. 237. Op.1 D. 12. L. 320.

7. Ibid [Tam zhe]. F. R-2. Op.1. D. 628. L. 17.
8. Ibid [Tam zhe]. F. R-183. Op. 4. D. 90. L. 245.
9. Modern History Documentation Center Office of Kabardino-Balkar Archive Service [Upravlenie tsentra dokumentatsii noveyshey istorii Arkhivnoy sluzhby Kabardino-Balkarskoy Respubliki (UTSDNI AS KBR)]. F. 1. Op. 1. D. 108. L. 29, 161.
10. UTsGA AS KBR. F. R-183. Op. 4. D. 90. L. 242.
11. Ibid [Tam zhe]. F. R-288. Op. 1. D. 12. L. 308.
12. Ibid [Tam zhe]. F. R-2. Op. 1. D. 628. L. 15.
13. Ibid [Tam zhe]. F. R-195. Op. 1. D. 16. L. 52, 92.
14. Ibid [Tam zhe]. F. 237. Op. 1. D. 30. L. 38.
15. Ibid [Tam zhe]. L. 31.
16. Ibid [Tam zhe]. F. R-288. Op.1. D. 12. L. 334; ibid [tam zhe]. F. R. 5. Op. 2. 8. L. 4–5.

Информация об авторе

Гедгафова Карина Анатольевна, соискатель степени кандидата исторических наук, магистр истории, выпускница аспирантуры («Отечественная история») Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, Нальчик, (Кабардино-Балкария), Россия
karged@mail.ru

Получена: 02.09.2015

Information about the author

Gedgafova Karina Anatolyevna, Applicant for a Candidate Degree in History, Master of History, Graduating Senior of the Postgraduate Course (branch of study: Russian History), Kabardian-Balkar State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik city, (Kabardino-Balkarian), Russian Federation karged@mail.ru

Received: 02.09.2015